

18+

Даниил Киселёв

Летопись

Даниил Киселёв

Летопись

«Издательские решения»

Киселёв Д.

Летопись / Д. Киселёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532768-0

«Летопись» — это не книга. Это история. История, которая может чему-то научить любого человека. У каждого же есть событие, которое научило человека чему-то. Вот и эта, хоть и выдуманная, но такая же история. Главный герой — Толя, живёт в постапокалиптической России после ядерной войны. Среди обломков города он натывается на книгу, которая называется «Летопись». В ней описываются все события, происходящие до ядерного взрыва. Читая эту книгу, Толя узнает всю главную правду о своей России.

ISBN 978-5-00-532768-0

© Киселёв Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Летопись

Даниил Киселёв

Оформление обложки Вера Киселёва

© Даниил Киселёв, 2021

ISBN 978-5-0053-2768-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Меня зовут Толя. Я живу в Хлевнике. Почему это слово с большой буквы? Просто потому, что так называется наше поселение, которое было основано на пустошах России. А почему пустошах? Да потому, что мы живем в постапокалиптическом мире после ядерной войны, когда великие державы совершили взаимный обмен своими могущественными ядерными боеголовками и вся Земля обросла огромными грибами, которые можно было увидеть даже из космоса. Потому, что нам рассказывали «ветераны» – люди, жившие до взрыва, правительство не спешило с эвакуацией и спасли только людей, проживающих рядом со столицей, да и то не всех, эвакуация проходила в течение шести месяцев. Я не жил до сбрасывания бомб, но прекрасно знал это.

Мне двадцать пять лет, слегка худенький, среднего роста, с овальной головой и простым, беззаботным, слегка осуждающим взглядом. Жил я неплохо, как и все наши жители, но моя работа отличалась от всех остальных. Даже несмотря на наше приручение скота и умение вспахивать земли, все равно были нужны исследователи руин заброшенных городов. Ведь не каждый мог осмелиться отправиться в путешествие по заброшенному городу, в котором ползают, как тараканы, каннибалы, разбойники и бандиты, но для меня это не страшно, ведь я ходил по пустошам еще мальчишкой. Город, в котором я жил, не был так опасен, конечно, мы сталкивались с рейдами, но это бывало пару-тройку раз в год, а если я во время своего путешествия сталкивался с разбойниками, то мне удавалось улизнуть или же дать отпор. В общем, я был очень везучим в таких ситуациях.

И вот однажды, возвращаясь из своего похода, я встретил дядю Сэма. В нашем городе осталось всего два человека, живших еще до войны, и дядя Сэм был одним из таких. Ему было пятьдесят лет, с хорошей уложенной прической, в старой классической одежде: мокасины, белая рубашка, пиджак, брюки. С типичной американской физиономией. Всеми любимый дядя был главным источником нашей истории о России, он рассказывал, какая она была ужасная, что мы присваивали себе победы, которые заслужили американцы, всех во всем обвиняли. А мне было все равно на его слова, слушать это я не собирался, сказки от дядюшки Сэма неинтересны мне были. Я верил в другого человека, но о нем чуть позже.

Зато селяне стыдились того, кто они есть, что стали считать себя свиньями. Вот из-за чего наше село называется Хлевник – в нем живут свиньи.

Дядя Сэм сидел на скамейке у входных ворот и, как всегда, рассказывал истории о «великой Америке», что она была могучей, во всех победах выигрывала и так далее. Дети стояли и слушали его. Проходя мимо, он меня заметил.

– Хай, Том! Иди сюда, – позвал меня к себе.

Я, медленно поворачиваясь, подошел к дяде Сэму и малышам, окружавшим его:

– Я же просил тебя, не называй меня Томом, я тебе не книга, чтобы меня так называть.

– Come on. Как вы там говорили?.. Не гунди! Ну так как на сегодня улов?

«Опять! – подумал я про себя. – Вечно спрашивает, что я достал из города. Как найду безделушку, которая у них придумалась, сразу начинает трындеть, как будто у нас ничего, кроме серпа и молота, не придумано».

– Ничего особенного. Только пару микросхем, провода и какая-то штучка типа так называемого... телефона...

Дядя Сэм сразу поинтересовался, выпрямился на скамейке и протянул руку:

– Покажи ее мне!

Я сразу снял мешок со своей спины, открыл и достал эту прямоугольную штуку. Сверху на ней был экран, а внизу был круг, в центре которого была кнопка с треугольником и двумя

палочками. Протянув ее Сэму, он сразу выхватил ее у меня из рук и начал разглядывать внимательно. После данного observations он сказал:

– Это плеер! – повышенным тоном, как будто Америку открыл, сказал он.

– А что это такое? – спросил один из находившихся рядом детей.

– На нем можно прослушивать музыку, но в нашем случае на нем можно и радио включить, и поиграть...

Как и всегда, дядя Сэм рассказывал о каком-то приборе, который мне неинтересен. Людей становилось вокруг него больше.

Я же, как и всегда, не хотел слушать нашего дедулю и, слившись с толпой, ушел показывать свою добычу на сегодня.

Наш «мегаполис» не был особо большим, были небольшие ворота, и от них тянулась дорога. Широкая. По краям стояли домики, а в конце мы построили ратушу. Это название придумал Сэм.

Идя по этой дороге, я встретил деда Митяя, он для меня был как родной отец: воспитывал, вырастил, сделал из меня настоящего мужчину. Единственный в нем недостаток был – это, как и каждому русскому человеку, страсть напиться в хлам. Ему было семьдесят пять. Из одежды были портянки, шапка-ушанка, валенки и рубаха, из которой выглядывала мужская волосатая грудь. На лице густая седая борода. Дед Митяй был настоящим мастером на все руки: строил дома, в которых мы жили; распахивал землю, на которой мы выращивали пшено и овощи; плел корзины, растил скотину, которой мы питались. Даже самогон умел гнать, поэтому он часто напивался, но, несмотря на это, он все равно мог и дверь починить, и дом построить. Дядя Сэм ненавидел его, ходил и говорил, что мы, кроме как водку жрать и самогон гнать, ничего не умели, даже наши горожане не контактировали с ним, больше Сэма слушали.

И вот, подойдя ко мне, шатавшийся по сторонам, как будто побывал на американских горках, спросил:

– Здорово, Тольчик! Что, опять этот американец тебя доставал своими безделушками?

– Ну да, – с улыбкой ответил я.

– Ясно... а что-нибудь нашел из того, что я тебя просил?

– Нет... – печальным голосом сказал я.

– Ясно... ну, будь здоров!

Я попрощался с дедом Митяем и пошел в бакалейную лавку. Подойдя к входу, я открыл дверь и вошел. Она ничем особенным не отличалась: обычная лавка с разбитыми витринами и различным хламом: инструменты, одежда, техника, даже оружие, слегка старое и поломанное.

Подойдя к витрине, я увидел торговца.

Когда он поднялся, он посмотрел на меня самым простым взглядом и поприветствовал меня:

– Привет, Толик!

– Привет...

– Что на сегодня?

Я, сняв и открыв сумку, вывалил ему все свое барахло, которое собрал.

Он внимательно начал разглядывать все, что я принес с пустоши.

– Так-с... посмотрим... часы, микросхемы, провода... книга, – он начал читать название и автора книги. – Анатолий Буденный, «Самогон», – потом он ее отправил к книгам, которые пылятся у него на полках уже много лет.

Какое-то время он рассматривал мои вещи, после чего провел расчеты в журнале и сказал:

– Я могу дать за все это 450 рублей, плюс проценты.

– Давай.

Бартер подошел к сейфу, открыл его и начал считать мои деньги. Я забрал деньги и попрощался с ним. Выйдя из лавки, я пришел к себе домой.

Дом мой стоял у самого края главной площади города. В центре нее стояла ратуша, высокая, полностью белая, сверху которой находился флаг. Что же насчет моего дома? Он построен из железных листов, без окон – самая настоящая коробка. Внутри было достаточно комфортно для меня: в углу стояла кровать, а рядом располагалась тумбочка. На противоположной стороне комнаты стоял по центру стены стол. Письменный. Около двери была вешалка.

Войдя в дом, я повесил сумку, снял с себя все обмундирование: противогаз, ремень с ножом и ПМ, битую и положил рядом с тумбочкой. Закрыв дверь на петлю, я сел за стол, подвинул к себе журнал, который лежал на углу стола, открыл его, положил деньги и стал писать отчет за сегодняшний день. Во время того, как я писал его, кто-то постучался в дверь.

– Кто там? – громко спросил я находящегося за дверью.

– Толя! Это я, открой, пожалуйста, – ответил мне с той стороны женский нежный голос.

Эта была Дуня. Дядя Сэм называет ее Дункан, но мне нравится называть ее Дуня. Она была девушкой слегка застенчивой, запуганной. Она была младше меня на год, худенькая, с заделанной косой и красивым личиком. Дядя Сэм мне всегда говорил, что это моя baby, но я терпеть не мог так называть ее. Он постоянно твердил нам про то, как строились отношения у них на Родине, но я слушать не хотел, но Дуня старалась подчиниться американским нормам и пыталась прислушиваться к ним. Мне было противно слышать из уст «Дункан», что дядя Сэм говорит дельные вещи. А какие это вещи? Активная жизнь, в которой приветствуются зверство, пошлость, не думая о том, что когда-нибудь захочется завести маленького человечка и что для этого надо будет вкладывать огромную любовь. В основном все молодые пары прислушивались к его словам, но я был против этого. Терпеть не мог эту «любовь по-американски».

Открыв дверь, я увидел Дуню, которая стояла в поневе, потрепанной футболке с надписью World War III Veterans Won't, на шее – платок, а на ногах – кеды. В одной руке была тарелка жареного стейка, на краю которой были вилка и нож, а в другой руке простая кружечка воды с хорошим и ржаным куском хлеба.

– Я подумала, ты есть, наверное, хочешь, – прервала она минутную тишину своим нежным голосом.

– А... да! Конечно. Проходи, – сказал я и, отойдя от прохода, дал ей зайти.

Дуня прошла ко мне в дом, подошла к столу и поставила мой ужин на стол. Я же, закрыв дверь, подлетел к столу, сел и стал с аппетитом есть мясо. Дуня же облокотилась на стол, наклонилась ко мне и стала с улыбкой наблюдать, как я ужинаю.

– Приятного аппетита.

– С-спасибо, – ответил я с набитым ртом.

– Как сегодня...

Поняв, что хочет узнать Дуня, я перебил ее:

– Тихо, спокойно. Ни с разбойниками, ни с каннибалами, ни с кем не сталкивался.

– Толя... может, ты к нам?

И в этот момент я стал куда серьезней:

– Дуня! Я же говорил тебе, не пойду я в город работать ни фермером, ни сторожем, ни дворником, никем. Мне моя работа по душе. Если бы не я, то мы бы скопытились уже давно. Я постоянно приношу что-то: книги, предметы сельского хозяйства, электронику и много чего другого!

– Но...

– Никаких «но». Я все сказал!

Дуня же резко встала из-за стола, развернулась и пошла к выходу. Около него она остановилась, повернулась резко ко мне и заговорила:

– Дурак! Я же за тебя волнуюсь! Каждый день думаю: «Как мой Толя? Все с ним хорошо? Только бы вернулся домой». А ты... ты... – в этот момент Дуня заплакала и убежала, оставив за собой дверь открытой.

«Мда... как же забавно все выходит после каждой такой ссоры», – подумал я и пошел относить посуду к месту выдачи пищи.

Конечно, я понимал, что поругаться с Дуней – это нехорошо, но мне не привыкать, мы довольно часто ругаемся по этому поводу. И несмотря на это, живем душа в душу.

Придя к месту выдачи, я вернул посуду, и, когда был готов оплатить свой ужин, мне сказали, что все уже оплачено.

«Какая же она добрая и заботливая», – подумал я про Дуню и пошел домой. У входа меня остановил дядя Сэм.

– Эй, Том! Я сейчас видел Дункан, вся в слезах бежала домой. Вы опять поругались? – сердито спросил он.

– Да, но не опять, а снова.

– Эх... вот не можете вы нормально общаться. Одна из часто встречаемых проблем в русских семьях – не можете нормально жить и постоянно ругаетесь, деретесь, избиваете друг друга по пьяни. Вот если бы вы с ней...

– Дядя Сэм! Во-первых, это наше личное дело с Дуней, ругаемся мы или нет. И во-вторых, я с вами разговаривал по поводу нас с ней.

– Ок, friends! Но это же неправильно – вот так постоянно ругаться. Вон Николосы (так он называл семью Николаевых), бери пример! Каждый день они это делают, и все хорошо.

– Мы с Дуней не такие, нам хватает друг друга и без «этого»! И вообще, меня Николаевы не интересуют. Спокойной ночи!

– Доброй...

Как же меня бесили эти нравоучения от дяди Сэма. Постоянно говорил мне, как нам надо существовать с ней, а мы не маленькие, чтобы слушать эти нравоучения, хоть нас и ругали, чтобы мы не прислушивались к нему. Считали его Исой!

Придя домой, я написал отчет, лег в кровать и заснул.

Вот она, моя жизнь...

Глава II

Проснулся я от солнечного света, пробивающегося через щели стен моего дома. Ранним утром. Я вышел на улицу и увидел красивый оранжевый рассвет. После того как я осмотрелся и не увидел на улице ни души, я пошел к главному источнику воды нашего города – небольшому источнику, или, как он еще называется, – роднику. Вообще, он был еще до войны здесь, но так легко мы его не оставили. Мы понимали, что радиация могла проникнуть в почву, и поэтому нам пришлось его слегка... модернизировать. Дед Митяй поставил пару фильтров, которые я нашел на развалинах города.

Подойдя к источнику с умывальными принадлежностями, мылом и тряпчным полотенцем, я стал принимать гигиенические процедуры. Только толку от него нет никакого. Организм все равно не очистишь от радиации. После я отнес свои вещи домой и пошел за своим завтраком. Во время приема пищи мимо меня прошла Дунечка. По лицу ее было видно, что она все еще обижена...

В этот момент у меня промелькнула мысль дяди Сэма. Но я отбросил ее в сторону сразу же после того, как вспомнил слова деда Митяя: «Преданность и доверие – путь к настоящей любви». Тем временем как дядя Сэм говорит какие-то неуместные вещи типа: «Перед сном думайте о ней, после сна тоже». Я сразу задался вопросом: «Неужели любовь – это диктатура?» То есть мне нужно думать насильно о ком-то. Именно «о ком-то». Ведь речь даже не о любимом человеке, а просто о том, что «думать о ней». Или вот еще один пример: «Самый главный страх – надоесть тому, кто тебе дорог». Подумать о таких словах, и сразу кажется, что человек просто общается с объектом своего воздыхания и не пытается сделать каких-либо намеков или шагов, чтобы быть рядом со своим человеком. Куда важнее то, что если вы любите друг друга, то вы никогда надоедать не будете. Мне кажутся подобные цитаты просто тупостью – тупостью, которая появилась за счет привлечения культуры дальних краев, чьи слова – «демократия», при этом поменявшиеся миллионы взглядов и идей за жалкие две тысячи лет. Молодых, даже очень молодых это привлекало, и они всегда хотели стать частью тех краев, но могут ли они еще вернуть ту жизнь, которую любили те, кто до нас жил, те, кто распахивал поля на протяжении всей той жизни, которую они прожили на нашей земле. Кто никогда не любил «высоких» и пытался сделать их ниже, а их это не волновало, их волновало только то, чтобы в наших краях не было чужаков, которые распахивали в наших краях словно хозяева. Таких мы отправляли всегда в те края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.